

Лидия Чарская. Рассказ из цикла «Записки малюткой гимназистки»

На столовых часах пробило половина восьмого. Наташа проснулась. Высвободила из-под одеяла тоненькую руку и нажала кнопку электрического звонка, в виде грушевидной балаболки висевшего в изголовье постели.

Позвонила и прислушалась. Не застучат ли знакомые каблук в коридоре?! Так и есть – стучат! Это Анюта. Она аккуратно приходит будить Наташу каждое утро четверть восьмого. Сегодня опоздала отчего-то. Дверь в Наташину комнату, именуемую домашними, к крайнему неудовольствию ее хозяйки, «детской», широко распахнулась. Анюта, стройная, хорошенькая, немногим старше своей шестнадцатилетней госпожи, в высоком, тугом с утра корсете и белом чепчике на голове, с деловитым видом появляется на пороге. Наташина мама требует, чтобы прислуга была прилично одета с утра: горничная в корсете, чепчике и белом плоеном переднике, лакей во фраке.

И Наташа вполне разделяет мнение матери. Действительно, приятно видеть все нарядное, чистое и корректное перед глазами. И белый чепчик на русой Анютиной головке, и ее стройную, с тонкой талией, фигурку Наташа очень любит. Но сегодня почему-то и белый чепчик, и тонкая талия, и сама Анюта раздражают Наташу. Что-то смутное, неприязненное поднимается со дна души. Наташа подняла от подушки голову с всклокоченными ото сна волосами, сердито посмотрела на Анюту и ворчливо произнесла:

– Почему ты не разбудила меня в обычное время?

Анюта улыбается. Она представляет собой тип горничной, выросшей с детства у господ и считавшейся скорее членом семьи, нежели прислугой. Анюта – дочь Марьи Ивановны, домашней портнихи, с шестилетнего возраста играла с Наташей в куклы. Поэтому и тон у нее с маленькой барышней (к ужасу Наташи ее все еще называют так, потому что в доме есть большие барышни – двадцатилетняя Зоя и девятнадцатилетняя Мими) скорее фамильярно-ласковый, нежели покорно-угодливый, как у служанки.

На вопрос Наташи Анюта отвечает, ласково щуря смеющиеся глаза:

– А с чего бы вам и не поспать лишние четверть часика, а? Успеете в гимназию вашу! Слава Богу, не пешком туда ходите, как другие.

Действительно, в гимназию Наташа не ходит, а ездит. Ее отец очень популярный доктор, заведующий одной из столичных больниц, ежедневно ездит по утрам на службу и берет с собой Наташу, чтобы завезти девочку по дороге в ее учебное заведение, частную гимназию госпожи Горюниной. Наташа недовольна. Беспричинная волна раздражения охватывает ее.

– Ты всегда так, Анюта... Подводишь только! – говорит она и брезгливо выпячивает пухлую губку.

Но Анюта неуязвима. Анюта прекрасно видит, что барышня «с левой ноги» встала, и только улыбается на воркотню Наташи, лукаво и снисходительно. Часы бьют восемь.

Наташа стоит в большом резиновом тазу, наполненном до краев водой, а Анюта, вооруженная исполинских размеров губкой, тщательно вытирает худенькое, тонкое тело Наташи водой с одеколоном.

Наташа ежится. Сегодня прикосновение холодной воды раздражает ее и сердит.

– Довольно, довольно, Анюта! – и прежде, нежели следует, она выскакивает из таза.

Начинается растирание мохнатым полотенцем. Руки Анюты нежны и привычны к этого рода работе. Но раз начавшемуся Наташиному капризу, кажется, не предвидится конца.

То ей кажется, что Анюта действует слишком энергично, то слишком слабо, то она царапает Наташу, то щекочет. Словом, никак не может ей угодить. Анюта молча заканчивает работу. И по-прежнему на губах ее играет снисходительно-лукавая улыбка. Точно хочет ей сказать Анюта: «Ну уж ладно, ладно, покапризничайте малость, я к этому привыкла, не взыщу!» Закончено умывание, чистка ногтей, зубов, расчесывание непокорных и густых черных волос Наташи, и Анюта подает на серебряном подносике своей молоденькой госпоже чашку какао и несколько сдобных булочек на выбор. Но прежде, чем приняться за утренний завтрак, Наташа подходит к зеркалу и тщательно, долго рассматривает себя.

Наташа некрасива. Хотя мама называет Наташу Сандрильоной, а папа Кошечкой, но Наташа отлично понимает, что это только так, от избытка их родительской любви, и что отнюдь не на кошечку, а тем более на Сандрильону она не похожа. У Сандрильоны должны быть длинные золотые волосы, у кошечки гибкие грациозные движения. Ни того, ни другого у Наташи нет. Ее густые волосы черные, как смола, а фигура угловата и резка, как еще у несложившегося подростка. И движения резки, и руками она болтает на ходу, как заправский мальчишка, к великому огорчению тети Люси, Наташиной гувернантки. Наташа смугла, худа, со слишком крупными для девушки чертами, с высоким лбом (умным лбом, как про него говорит мама) и с действительно прелестными темными, почти черными глазами, глубокими, как бездна.

Кто-то из знакомых сказал про Наташу, что она похожа на героиню Толстого из «Войны и мира» – Наташу Ростову.

Наташа читала «Войну и мир» и обожала его главную героиню. Быть похожей на Наташу Ростову, ах! Да ведь это чудо что такое!

И думая об этом, девочка прощала судьбу за свою смуглую кожу и некрасивые, резкие черты лица. Но сегодня то, что отразилось в зеркале, отнюдь ничего общего не имело с Наташей Ростовой!

О нет! Надутые губы, сердитое лицо и что-то тревожно-недовольное в

глубине темного взора... Отчего бы это? – недоумевающе спрашивает себя Наташа.

И вдруг вспоминает. Вспоминает сразу, быстро. Точно кто подсказывает ее мыслям.

– Ах да... Не выучила историю. А историк спросит непременно... Как это вышло?

Забыв о какао, о сдобных булочках, Наташа старается вспомнить, как это вышло.

Да... вчера у них были гости. Мими играла сонату Бетховена. Ту, любимую, на бемолях. Она слушала. Потом сражались в Halm'у (игра вроде шашек) вчетвером: Мими, Зоя, она, кузен Виктор. Мама несколько раз подходила и спрашивала, все ли уроки она, Наташа, выучила, а она отвечала не сморгнув:

– Конечно, все.

Хотелось показаться ужасно способной перед сестрами и кузеном.

После чая наскоро пробежала французский, решила теорему по геометрии, прочла кое-как о Достоевском по русской литературе и готовилась уже взяться за историю реформ Петра Великого, как неожиданный гость – сон – подкрался к ней едва заметно, и она сладко заснула, забыв и о Петре, и о его преобразованиях и реформах, со смутной надеждой повторить это все до гимназии, утром, и вот... Надеждам не суждено было осуществиться, Анята позабыла разбудить Наташу или Наташа позабыла сказать об этом Аняте, но...

Но не в этом дело!

Эта глупая Анята... Чего она улыбается, сияет?! И чепчик глупый, и фартук с плочками, и вся она... Все это так несносно! Противные и чепчик, и плочки, и Анята!..

* * *

Папа довез Наташу до гимназии. Приложился к ее засвежевшей на морозном воздухе щечке холодными, мокрыми усами и сказал:

– До свиданья, Кошечка, за обедом увидимся!

Потом приказал кучеру Семену ехать дальше в больницу.

Наташа вошла в просторный теплый гимназический вестибюль. Здесь было шумно, людно, суетливо. Девочки то и дело входили. Швейцар Дмитрий, получивший прозвище Султана Мароккского за свое оливково-смугловатое лицо и необычайно кудрявые темные волосы, поминутно распахивал входную дверь, впуская тоненькие фигурки, закутанные в теплые пальто и шубки, с неизменно торчащими из-под них коричневыми подолами форменных платьев. Знакомые лица, знакомая обстановка... Среди всей этой суеты, веселых возгласов и шума, понемногу стало расплываться неприятное настроение, привезенное из дому Наташей.

К ней подошла красивая, стройная Нина Соболева, с густой белокурой косой, два раза венчиком охватившей изящную головку, и проговорила: – Здравствуй, Наташа! А мы вчера были в опере, я с мамой и братом. Брат неожиданно Достал ложу. Ах, как хорошо! Чудо как хорошо! Ты не бывала в опере, Наташа?

Натали смотрит в красивое довольное лицо Соболевой и сердито бурчит: – Нет.

Только что ушедшее дурное настроение возвращается к ней снова. «Вот хвастушка-то! – думает про Соболеву Наташа. – Ужасно важничает, что ездит часто в театр. В оперу, в драму. Невидаль какая!» Наташа злится. Злится самым искренним образом. Злится оттого, что завидует Нине. Нину держат дома, как взрослую. У нее брат офицер. Водит ее в театры, на вечера к себе в полковое собрание. А ее брат Миша уехал за границу заканчивать свое образование и ему дела мало до младшей сестры. Не сегодня – завтра его ждут домой окончившего курс в цюрихском университете. Но его приезд мало внесет разнообразия в монотонную серенькую Наташину жизнь. Мими и Зоя завербуют себе Мишу – это уже наверное! Не отпустят его от себя ни на шаг, закружат его в вихре их жизни, полной самых разнообразных удовольствий, а она, Наташа, по-прежнему вынуждена будет ездить в гимназию по утрам, а вечером готовить уроки к следующему дню у себя в детской.

Вот у Нины Соболевой, наверное, иная жизнь! Балы, выезды, опера... И «детской», наверное, никто в доме не решится назвать комнату Нины! И уже окончательно взвинченная и снова взволнованная и сердитая, Наташа угрюмо, глядя себе под ноги, поднимается по широкой лестнице в класс.

После молитвы первый урок – история. Преподаватель, молодой, худощавый человек в очках, за которыми скрываются глаза неопределенного цвета, по первому звуку колокольчика, раздавшегося почти сразу после общей молитвы в зале, стремительно распахнул дверь и в несколько быстрых шагов, проскользнув пространство от порога комнаты до кафедры, занял свое место.

И Наташа поняла разом, что все для нее кончено. Началась пытка. Кто-то незримый и упорный, казалось, говорил в душе Наташи: «Сейчас, сейчас Сомов распишется в журнале, обведет глазами класс, остановит их на тебе и назовет по фамилии тебя, Наташу Дернову!»

Пренеприятное положение! Ужасное ощущение чего-то гадкого, несправедливого и жуткого в одно и то же время...

Чтобы отвлечь себя немного от скверного предчувствия, Наташа перебегает с одного знакомого лица на другое... Вон сидит красивая, спокойная, всегда уравновешенная Нина. Ей хорошо. Она постоянно знает заданные уроки как Отче наш и Богородицу, хотя и ездит еженедельно в оперу и танцует на семейных вечерах. А вон Мышка... Живая веселая

девочка, несмотря на свои 15 лет, не отрешившаяся от чисто ребяческих шалостей и проказ. Она учится скверно, хотя память и способности у нее удивительные. Дальше Маруся Стректова, первая ученица, берет все с боя усидчивым трудом. Зеленая от малокровия, серьезная, старообразная, но с такими умными, красивыми голубыми глазами, выражению которых завидует полкласса. Вон Валерия Натова. Эта веселая и бойкая, как козленок... Историей интересуется больше всего. Хронологию знает как свои пять пальцев. Счастливая! Ей нечего бояться сегодняшнего урока и реформ Петра.

Наташа пугливо смотрит на учителя. И в тот же миг, обливаясь потом, опускает глаза.

Что это? Или от страха у нее начинаются галлюцинации? Ей кажется, что взгляд Сомова из-за дымчатых очков прикован к ней, что маленькие глазки учителя, вооруженные стеклами, следят за ней упорно, настойчиво!

Ах, наверное, он знает, что творится в голове Наташи, далекой от реформ Петра!

Взволнованная до последнего предела, Наташа подается назад... Потом подвигается несколько влево на своей парте, так, чтобы голова и часть ее худенького туловища пришлись за крупной и толстой фигурой сидящей перед ней Ади Картановой, Гренадерши, как ее за рослую и сильную фигуру прозвал класс. Это довольно-таки малодушный маневр страуса, желающего спрятать голову под крыло и воображать, что сам он невидим. Наташа отлично понимает, как наивен ее план... Но что же делать, когда последняя надежда быть незамеченной и неспрошенной заключается в этом?!

Ах, если бы только толстая Адя не шевелилась! Может быть, тогда Сомов не увидит встревоженного лица Наташи, на котором четко, как на вывеске, значится: «Увы! Я не знаю сегодняшнего урока!» И туча промчится мимо.

Теперь Наташа, притаившаяся за крупной, неуклюжей головой Гренадерши, чувствует себя несколько спокойнее... Если Сомов не заглянет в журнал и не заметит, что против фамилии Дерновой нет за последние два месяца ни одной отметки, – она, Наташа, спасена! Ах, если бы только...

Как раз в ту минуту, когда печальные мысли Наташи начинают приобретать более спокойный характер, неожиданно, как гром небесный, оглушительным молотом ударяет девочку ужасная фраза:

– Госпожа Дернова, извольте отвечать!

– Ах!

Сначала Наташе кажется, что потолок падает на пол, а стены сближаются навстречу одна другой, как будто готовясь танцевать кадрили... Потом, что лица всех находящихся в классе гимназисток расплываются в тумане и глядят на нее, Наташу, и улыбаются ей откуда-то издалека. Пол начинает колебаться под ее ногами, сама она поднимается с малиновым от смущения лицом и выходит тяжелой, так несвойственной ей походкой на середину класса. О, Наташе так искренно хотелось в ту минуту, чтобы это

ее шествие от парты до кафедры продолжалось как можно дольше! Но увы! Мечта остается мечтой. Желанию ее не суждено осуществиться.

– Госпожа Дернова? Что же? Прошу поторопиться! У нас нет времени для совершения прогулок в часы уроков!

Ах, какой этот Сомов!.. Сколько затаенного раздражения слышится в его голосе, когда он говорит это! И не стыдно ему? Нет, ему, очевидно, не стыдно! Не стыдно ни капельки даже и тогда, когда, впившись своими дымчатыми очками, из которых слабо поблескивают маленькие глазки, он говорит по адресу Наташи самым уверенным тоном:

– Сдается мне, госпожа Дернова, что вы не выучили урока на сегодня! Впрочем, мы это сейчас проверим, и я заранее извиняюсь перед вами, если не прав. Человеку свойственно ошибаться. Итак, приступим! Поделитесь с нами всем, что вы знаете о реформах Петра Великого!

Реформы Петра!

«Вот оно, начинается», – вихрем проносится в голове Наташи.

И как он только мог узнать, этот ужасный Сомов, что она, Наташа, не знает урока?! Или он заметил ее маневр спрятаться за крупной фигурой Гренадерши? Какой стыд! Какой позор! Но еще больший ужас предстоит ей впереди! Бедная Наташа!

Она стоит перед кафедрой с опущенными в пол глазами и совершенно машинально старается высчитать, сколько квадратиков залитого чернилами и потрескавшегося от времени паркета приходится на все пространство от кафедры до первой скамьи. А мысль настойчиво и неотвязно повторяет одно и то же, одно и то же: «Что я ему отвечу? Что? Каковы были реформы Петра? Чем отличались?»

Капельки пота выступили на лбу девочки. Губы конвульсивно сжались. Руки мнут конец черного форменного фартука.

Наташа молчит. Силится припомнить хоть что-нибудь из прочитанных ею исторических романов Соловьева и Салиоса о Петре... Мелькают в напряженной памяти картины Стрелецкого бунта, борьба за престол Софьи Правительницы с ее гениальным братом... Ее заточение в монастырь и ни слова о реформах. О них ей еще не удалось прочитать.

Тоненькие пальчики усерднее работают над кашемировой тканью. Вот попалась какая-то нитка в шве передника. Машинально нервные пальчики ловят ее... Схватывают и обрывают.

Ах, реформы, реформы! Чего бы, кажется, не отдала Наташа, лишь бы знать их сейчас! По губам Сомова проползает неопределенная улыбка: как будто презрение, жалость и насмешка соединились в ней. Наташа, робко подняв было глаза в его выжидательно-вопрошающее лицо, встречает на себе этот неприятный для нее взгляд и потупляется снова. Стыд обжигает душу девочки. Появляется запоздалое раскаяние. Зачем, зачем она не прочла вчера эти несколько злополучных страниц?!

– Что же вы, долго будете молчать, госпожа Дернова? Время дорого, и я не могу ради одной ученицы задерживать класс! – снова, на этот раз уже сердито, прозвучал голос учителя.

Во что бы то ни стало надо было предпринять что-нибудь. Или признаться в своем незнании урока, или же, призвав весь остаток храбрости себе на помощь, начать говорить что-либо и о чем-либо, хотя сколько-нибудь напоминающее Петра.

Со стесненным сердцем Наташа ухватилась за последнее... Робко, глухо запрыгали одна за другой бессмысленные фразы о том, что Петр был очень знаменитый человек, потому что он провел новые знаменитые реформы, преобразившие вконец старую дореформенную Русь, и эти знаменитые реформы как бы предвидела даже Софья Правительница и, чтобы помешать знаменитому своему брату стать царем, она и подговорила стрельцов к бунту и...

Тут Наташа сбилась окончательно. Хотела прибавить что-то о знаменитых стрельцах, раз уже слово «знаменитый» пересыпалось ею как кусок хлеба солью, но, встретив новый насмешливый взгляд учителя, осеклась сразу и смолкла. Историк уже не считал нужным маскировать своей презрительной усмешки. Кое-кто из гимназисток фыркнул под сурдинку. Более расположенные к Наташе подруги уныло-сочувственно поглядывали на нее. Минуты тянулись, как вечность, а Сомов, уязвленный дерзостью ответа ничего не готовившей ученицы, казалось, умышленно затягивал паузу молчания.

Измученная этим молчанием, Наташа стояла перед кафедрой, готовая разреветься навзрыд слезами горя, обиды и злости. Теперь она уже совсем не походила на поэтичную Толстовскую героиню Наташу Ростову с ее злыми и смущенными в одно и то же время глазами и надутым, обиженным лицом. Наконец Сомов, казалось, сжалился над нею.

– Садитесь, госпожа Дернова, – произнес он так спокойно, точно ровно ничего не случилось сию минуту, – а за ваш «знаменитый» ответ я вам поставлю не менее знаменитую единицу.

И легким, почти незаметным движением провел пером вертикальную линию как раз против фамилии Наташи.

Единица! О, это было уже слишком!

Вне себя от охватившего ее припадка отчаяния, Наташа порывисто, не кланяясь учителю, бросилась на свое место и, почувствовав под собой скамейку, угрюмо насупившись, уставилась немигающим взглядом в угол класса, поверх черной классной доски. Непреодолимо хотелось упасть головой на пюпитр и завывать. Не заплакать, нет, а именно завывать, как выли на дворе, она слышала часто, обиженные более сильными товарищами маленькие, жалкие дворовые ребяташки.

Как прошел урок истории, как прошли следом за ним остальные уроки, этого Наташа не помнила вовсе. В перемену она смутно, как сквозь сон,

слышала утешающие слова Нины Соболевой и Жуковой, и добренькой Мышки... Она улыбалась им, стараясь казаться спокойной, но лишь только они отходили от нее, прежний приступ отчаяния накидывался как лютый зверь на Наташу. В душе не оставалось ни одного светлого пятнышка, точно в ней твердо и прочно поселилась темная, злая, ненастная осенняя ночь.

* * *

Единица!

Если бы «пара» – это... еще, далеко не так обидно! А то почти взрослая шестнадцатилетняя барышня, которой в будущем году предстоит закончить семь гимназических классов, и вдруг... Нате-ка, единица! Что скажет папа, как отнесется мама, когда оба они узнают что их Сандрильона, их Кошечка, их живое воплощение Наташи Ростовой так непозволительно осрамилась с реформами Петра?!

Эти угрюмо-безнадежные мысли так тревожат Наташу, что, шагая по тротуарам, залитым редким осенним солнцем, о бок с madame Люси, она вовсе и не замечает начала бабьего лета. Как всегда, из гимназии по раз заведенному порядку гувернантка ведет свою взрослую воспитанницу в Летний сад, где в эту пору года стоят в пышном багряно-золотом наряде вековые деревья. Но сегодня на предложение француженки сделать обычную прогулку по саду Наташа бурчит себе под нос что-то по поводу головной боли и, ни мало не заботясь о своей спутнице, решительно направляет свои стопы домой. Ей хочется попасть туда обязательно до возвращения отца с его ежедневных визитов по больным, лишь бы не столкнуться с ним в подъезде и не дать возможность увидеть ее расстроенное лицо.

Судьба на этот раз благоприятствует Наташе. Отец еще не вернулся. А может статься, что не вернется и к обеду, а только вечером, когда она уже будет спать. Что же касается мамы, то девочка неожиданно вспоминает, что сегодня бал у баронессы Клейст, и мама со старшими сестрами поедет туда. Бал! Вот оно – спасенье для Наташи! За обедом Мими и Зоя будут, по всей вероятности, безостановочно трещать о туфлях, перчатках, чулках и цвете их вечерних туалетов и не дадут маме задать Наташе ее обычный ежедневный вопрос: «Ну что, каковы твои уроки сегодня?»

Действительно, все случилось так, как и предполагала Наташа. Папа не вернулся к обеду. Прислал записку с посыльным, чтобы не ждали его и обедали одни. Мими и Зоя трещали, как сороки, madame Люси хранила свой обычный степенный вид, мама... Ах, мама раз пять, по крайней мере, поднимала глаза на свою младшую дочку, но Мими и Зоя подоспевали, помимо их собственной воли, на выручку сестре, осыпая мать целым градом вопросов, относящихся к предстоящему вечеру. Сердце Наташи,

находившейся все время настороже, мало-помалу стало биться ровнее, и обычное спокойствие водворялось постепенно в ее уставшую от целой бездны переживаний за сегодняшний день душу.

* * *

В комнате барышень зажгли сегодня, кроме обычной голубой лампы, и электрические рожки над письменным столом, по обе стороны трюмо и над туалетом. Благодаря такому освещению хорошенькая уютная комнатка сестер казалась еще более нарядной. Сидя в своей неосвещенной «детской», Наташа злыми, завистливыми глазами следила за приготовлением к балу «старших». Переживание полученной единицы сменилось новым, едва ли не более острым, в душе девочки. Наташа мучительно завидовала сестрам. Она видела их сосредоточенные личики, видела тщательные приготовления, всю длинную процедуру причесывания и одевания, видела, наконец, как нарядные, хорошенькие, Мими и Зоя вертелись перед зеркалом, сияя молодыми, радостными улыбками.

«Очень хороши! Нечего сказать! – мысленно ворчала Наташа, – очень хороши! Тоже воображают, что красавицы! Подумаешь! Как же! У Зайки родинка с жука величиной на подбородке, а Мими точно муха в молоке, такая черная в белом платье! Воображают о себе, точно принцессы. Будут прыгать на балу, и горя мало, что их младшая сестра умирает от скуки! Что у нее такое большое горе сегодня... И мама тоже! Изменила Наташе ее мама. Небось, не останется дома со своей Наташей, а едет «вывозить» в свет своих старших дочерей, как будто этого не может сделать madame Люси. Скажите, пожалуйста! Никто меня не любит, никто, никто! Ни мама, ни папа, ни эти две бездушные большие куклы, что вертятся больше часа перед зеркалами!». Девочка зажимает уши, зажмуривает глаза, чтобы не видеть и не слышать того, что происходит вокруг нее, и валится ничком на свою беленькую, еще полудетскую кроватку.

– Натали! Натали! Хочешь взглянуть на нас! Иди сюда скорее! – весело зовет Зоя и как белая воздушная фея мелькает на пороге двух смежных комнат. Несмотря на заткнутые уши, Наташа слышит призыв сестры, но не отзывается на него, притворяясь спящей.

«Ну да, очень нужно смотреть на вас, невидаль тоже! Нарядились и думают, что красавицами стали!» – проносится раздраженно в голове Наташи сердитая мысль.

– Тише! Она, кажется, уснула! – говорит Мими Зое и прибавляет шепотом: – Бедная детка утомилась за день. Уж скорее бы она кончала свою гимназию, право, а то, я думаю, ей немножко завидно смотреть, как мы выезжаем в театры и на вечера!

– О, это бывает не так часто! В таком случае Наташа, пожалуй, может и должна более завидовать нам, что мы посещаем лекции на курсах, – с

улыбкой говорит Зоя.

И обе скрываются как видения, стараясь как можно меньше производить шуму. На смену им приходит мама. Она уже в теплых ботинках, ротонде и вязаном шарфе на голове.

– Ты спишь, Наташок? – осведомляется она осторожно, и, не получая ответа, тихонько на цыпочках приближается к постели, наклоняется и крестит темный затылок уткнувшейся лицом в подушку, дочурки. Наташа молчит. Затаила дыхание, притворяясь спящей. Мама целует голову Наташи и маленькое разгоревшееся ушко. Потом уходит так тихо и осторожно, как вошла.

– Анюта, – слышится в соседней комнате мягкий ласковый мамин голос, – когда проснется барышня, попроси madame сделать ей чай. Да не забудь сказать, что я купила для Наталии Павловны ее любимый английский кекс и земляничные паты. Возьмешь в буфете.

Слышно, как Анюта отвечает:

– Слушаю-с, будьте спокойны, барыня!

И затем все стихает. Мамины шаги удаляются по коридору... Где-то далеко хлопает дверь. Наташа приподнимает голову с подушки... Что-то болезненно, остро щипет ее за сердце. Что-то подступает к горлу...

Смутное, глухое чувство одиночества охватывает Наташу. Она кажется себе такой жалкой, покинутой всеми! Такой сиротой... То, что, уезжая на вечер со старшими дочерьми, мама трогательно, до мельчайших подробностей, позаботилась о своей Сандрильоне, это не в счет, это как-то само собой выскакивает из памяти Наташи. Ее душу наполняет огромная пустота.

– Одна! Совсем одна! Все уехали, и никому нет дела до Наташи, – истерическим воплем вырывается из груди девочки, и снова, упав лицом в подушку, она разражается громким неутешным ребяческим плачем.

* * *

– Наталья Павловна! Барышня моя, золотая! Что вы! Господь с вами! – и худенькая, заглубившая рука Анюты ложится на плечо ее молоденькой госпожи.

Наташа все еще продолжает рыдать, нервно вздрагивая плечами, и Анюта присаживается на край кровати, забыв разницу между ней – горничной и ее молоденькой госпожой. Она говорит, вкладывая в свой голос всю нежность и мягкость, имеющиеся в ее немудреном добродушном сердце:

– Полно, полно, золотая моя барышня! Ах ты, Господи! Вот-то напасть, какая! Не плачьте, родненькая, не плачьте, голубушка, ах, Боже Ты мой, Царица Небесная, ровно обидел кто, рекой разливаются! Барышня, голубенька вы моя! Ну скажите глупой вашей Анютке: кто вас обидел? Голос Анюты так и вливается прямо в душу. Тревогой, лаской и искренним сочувствием звучит он. Наташа медленно отрывается от подушки и

вглядывается в испуганное Анютино лицо. Ах, сколько в нем участия и доброты!

В душу Наташи пахнуло теплом и светом. Сейчас Анюта ей кажется совсем иной, нежели утром. И ее белый чепчик, и ее передник с плочками, и ее тонкую, стянутую в корсет, фигурку Наташа уже не находит противными, напротив, они такие милые-милые: и тонкая Анютина фигурка, и передник с плочками, и чепец!

– Ты любишь меня, Анюта? – спрашивает Наташа.

– Да как же мне, барышня, не любить-то вас, ведь вы для меня что сестра родная! – искренне удивляется Анюта.

От этих слов еще теплее становится на душе у Наташи. Слезы высыхают миглом. Горя как не бывало! А на пороге детской стоит madame Люси и взволнованно спрашивает, коверкая русский язык, Анюту:

– Что такой слючил, Наташе? Что такой?

– Наташа спешит уверить француженку, что ничего не случилось, что она видела дурной сон и расплакалась, как ребенок. Вот и все! Но madame тревожится. С трогательной заботой ведет она Наташу в столовую и там вместе с Анютой они ухаживают за девочкой, предупреждая каждое ее желание.

На столе, помимо любимого Наташиного кекса и земляничных пат, красуется коробка конфет. Наташа с удивлением таращит на нее глаза.

– Это от ваших больших сестер, Наташа. Они передали мне это для вас, уезжая, – спешит пояснить ей гувернантка на своем безукоризненном французском языке, – это чтобы вам не было слишком горько оставаться дома! – прибавляет она с доброй улыбкой.

Так вот оно что! Вот они как! А она-то, она-то! Как она их бранила! И снова исчезнувший было комок сжимает горло Наташи. Слезы двумя ручьями льются из глаз. Но это уже не горькие слезы. Нет! В них сладкая грусть, искреннее раскаяние и еще что-то, чего не может уяснить себе и сама Наташа.

– Что такое?! Что такое?! О чем?! – бросаются к ней одновременно madame Люси и Анюта...

О нет! Нет! Они могут не понять... Истолковать иначе. Ей так сладко сейчас выплакать оставшиеся слезы... И чтобы не тревожить любящих ее людей, Наташа находит в себе силы вымолвить между двумя приступами рыданий:

– О, ничего, ничего, а только, только сегодня... я получила по истории... единицу...